

На правах рукописи



Кужелев Максим Александрович

**Социальная эксклюзия в образе жизни сельской молодежи
Юга России**

22.00.04 – Социальная структура,
социальные институты и процессы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Новочеркасск – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Воденко Константин Викторович

Официальные оппоненты: **Ефлова Мария Юрьевна**
доктор социологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», Институт
социально-философских наук и массовых
коммуникаций, заместитель директора по
научной деятельности

Касьянов Валерий Васильевич
доктор социологических наук,
профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет», декан
факультета журналистики

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Защита диссертации состоится «01» июля 2022 г. в 13.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.029.06 при ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» по адресу: 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100, ауд. 2-05 В.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного университета. Автореферат размещён на официальном сайте ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» – <https://volsu.ru/>

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета  Полтавская Мария Борисовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Социально-экономические и социально-культурные трансформации, протекающие в российском обществе радикальным образом, изменили его социально-групповую и демографическую структуры, а основными проблемами пространственного развития России является высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства и отставания уровня жизни в сельской местности, концентрация трудоспособного населения в городских агломерациях и вымывание данной группы из сельских территорий.

Стратегической задачей государственной повестки дня является закрепление молодежи в селе и реализацией ею своего потенциала на своей малой родине¹. Сельская молодежь наиболее остро и болезненно испытывает социальные неравенства, обусловленные типом поселения и уровнем дохода. К тому же сельская молодежь – демографически самая малочисленная и стремительно уменьшающаяся возрастная группа: если сравнивать численность сельской молодежи с 2005 годом, то ее численность за 16 лет сократилась на 34,2%, причем наиболее стремительно сократилась возрастная группа 15-19 лет (за 16 лет на 44,5%), возрастная группа 20-24 года – на 31,5%, возрастная группа 25-29 лет – на 22,9%)². В этой связи искомой опорой в уяснении и толковании происходящих процессов является образ жизни молодого поколения и влияние на него социальной эксклюзии.

Социальная эксклюзия в образе жизни сельской молодежи проявляется не только в экономических лишениях, но и в ограничении возможностей самореализации и выстраивании желаемых жизненных стратегий. Вопросы исследования образа жизни с позиции социальной эксклюзии молодежи в отечественной социологии малочисленны, особенно в региональном срезе, что актуализирует систематизацию теоретических подходов в изучении образа жизни индивидов и социальных групп и позволит эмпирически верифицировать типологию образа жизни и уровень социальной эксклюзии. К тому же практически отсутствию исследования данной проблематики в условиях Юга России³,

¹ Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» (Утверждена Постановлением Правительства РФ от 31.05.2019 № 696).

² Данные Федеральной службы государственной статистики на 01.01.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781?print=1> (дата обращения 26.07.2021).

³ В диссертации под Югом России понимаются регионы, входящие в состав Южного федерального округа.

который характеризуется высокими сводными социально-экономическим и демографическим показателями с глубокой внутренней дифференциацией, усилением периферийности геоэкономического положения отдельных субъектов и этнокультурным разнообразием.

Степень научной разработанности темы. В зарубежной социологической мысли в различных теориях социальная эксклюзия рассматривалась как безработица, ведущая к «социальной дисквалификации» (С. Погам), процесс глобализации, влияющий на расслоение общества (Р. Мунк), отсутствие возможностей индивида самостоятельно обеспечивать установленные стандарты жизни (П. Таунсенд) и др. Предпринимались попытки классифицировать ситуации социальной эксклюзии, исходя из объективированных ограничений в социально-профессиональных, потребительских, политических, информационных сферах человеческой жизнедеятельности (М. Вольф).

В отечественной социологии не сложилось единого подхода к интерпретации социальной эксклюзии, и она рассматривается как явление новой социальной реальности (В.И. Родионова, Л.А. Швачкина), феномен жизни общества (Л.К. Курмышева), социально-психологическая данность (И.Ю. Суворова), предмет социально-философской рефлексии (М.Д. Напсо).

Отечественные исследователи также изучают интенсивное и диспропорциональное расслоение сельских жителей в зависимости от определенного уклада сельскохозяйственного производства и системы сельского расселения в стране (Ж.Т. Тощенко, О.П. Фадеева, Н.И. Шагайда, М.М. Краснов, Л.В. Намруева, Н.В. Дулина, М.Н. Муханова); проблемы воспроизводства сельской молодежи, ее образовательного и трудового потенциала (М. Карной, И.Д. Фрумин, Н.Н. Кармаев, Д.Л. Константиновский, А.Б. Захаров, К.А. Адамович); трансформации образа жизни сельской молодежи в межпоколенческом сравнении (В.В. Радаев, Е.Е. Шестернин); социокультурную трансформацию образа жизни сельских жителей в контексте территориально-пространственных изменений (В.В. Маркин, М.Ф. Черныш); отток и миграцию сельской молодежи (О.Н. Калачикова, А.П. Будилов, О.Н. Курмышкина, Е.С. Кованова, С.И. Кузин, О.А. Хохлова, Г.С. Денисова, Е.Г. Шурыгина); ресурсный потенциал модернизации социального пространства села как комплексное условие возможных его модернизационных процессов (Ч.И. Ильдарханова); роль государственной молодежной политики в выравнивании стартовых позиций молодежи (В.В.

Касьянов), проблемы воспитания и социального развития молодежи в регионах (Т.И. Барсукова).

В рамках концепции социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров) социокультурная среда малых территорий не соответствует образу жизни современного уровня и притязаниям молодежи, формирует аномичную позицию молодых сельчан, проявляющуюся в маргинальном или провинциальном образе жизни.

Методологически значимыми для разработки модели измерения социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи стали труды, таких авторов, как С.Г. Максимова, О.Е. Ноянзина, М.Ю. Ефлова, Д.А. Омельченко, Н.И. Исаев, А.К. Капустин, С.Н. Смирнов, а также многомерная модель социальной эксклюзии, разработанная в рамках The Social Exclusion Knowledge (SEKN).

Несмотря на всесторонность и научную глубину изучаемой проблемы в современной социологической мысли на формирование образа жизни сельской молодежи и влияние на нее социальной эксклюзии нуждается в методологическом и эмпирическом осмыслении по причине геостратегического и пространственного развития российских территорий, создания условий для эффективной образовательной и трудовой социализации сельской молодежи.

Объектом исследования выступает образ жизни сельской молодежи Юга России.

Предметом исследования является социальная эксклюзия в образе жизни сельской молодежи Юга России.

Цель исследования – определить специфику, методы измерения и региональную дифференциацию социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи.

Задачи исследования:

- обосновать методологию исследования социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи;
- исследовать условия формирования социальной эксклюзии сельской молодежи, обусловленные типологическими характеристиками ее образа жизни;
- выделить эвристические возможности социокультурного подхода, применительно к анализу социальной эксклюзии сельской молодежи.
- выделить индикаторы измерения социальной эксклюзии, описывающие различия, контрасты и факторы влияния на образ жизни сельской молодежи.

– выделить региональную дифференциацию социальной эксклюзии сельской молодежи в ЮФО;

– определить перспективы трансформации образа жизни сельской молодежи в условиях социальной эксклюзии.

Гипотеза исследования. Социальная эксклюзия в образе жизни сельской молодежи проявляется не только экономическими, социальными и социокультурными лишениями, но и типом поселения. Сельские территории характеризуются отставанием уровня и качества жизни, низкой инфраструктурной обеспеченностью и доступностью, что усиливает социальную эксклюзию сельской молодежи, которая формируется состоянием (дефицит социокультурного капитал и ресурсов) и ситуацией (материальная и инфраструктурная малообеспеченность). Социальная эксклюзия затрудняет интеграцию и адаптацию сельской молодежи в социальное пространство, препятствует ее самореализации, дезорганизуя жизненные стратегии и планы, маргинализируя образ жизни.

Теоретико-методологическая база представлена следующими подходами:

– *структурно-функциональный* (Т. Парсонс и Р. Мертон), рассматривающий социальное включение/исключение личности под углом разных уровней адаптации к условиям среды;

– *адаптивный* (А.И. Ковалева), позволяющий описать типичные и нетипичные способы включения сельской молодежи в социум;

– *рискологический* (В.И. Чупров, Ю.А. Зубок), позволяющий сделать вывод о конкретно-исторических условиях рисков социальной эксклюзии;

– *социоструктурный* (Н.Е. Тихонова, М.Ю. Ефлова), позволяющий реализовать многоуровневый вариант изучения социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи;

– *ресурсный* (Т.И. Заславская, О.И. Шкаратан, М.С. Астоянц), позволяющий изучить социальный, экономический, культурный капиталы как ресурсы преодоления социальной эксклюзии;

– *стратификационный* (Н.Е. Тихонова, Д.Л. Константиновский), рассматривающий социальную эксклюзию в образе жизни сельской молодежи современной России с позиций институционального неравенства;

– *социокультурный* (А.С. Ахиезер, Л.Г. Ионин, Н.И. Лапин), позволяющий выделить культурные формы дифференциации и интеграции в социальной структуре сельской молодежи.

Концепция социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров) позволила выделить ориентиры в

изучении поведенческих практик сельской молодежи, определяющих возможность осуществления жизненной стратегии (социокультурное пространство и культурная среда).

Эмпирическую базу диссертации составили результаты авторского социологического исследования на тему «Социальная эксклюзия в образе жизни сельской молодежи Южного федерального округа» (январь-февраль 2021 года). Объектом исследования являлась сельская молодежь в возрасте от 14 до 35 лет⁴. Расчет объема выборочной совокупности производился с помощью простого случайного бесповоротного обора и составил 635 респондентов. Далее были сформированы квотные группы, в которых производилось целенаправленное согласование распределения определённых признаков в генеральной и выборочной совокупности. В качестве квотных признаков были определены территория проживания (субъект ЮФО), возраст и пол. Сбор социологической информации производился с помощью стандартизированного очного опроса.

Эмпирическая база исследования основывается также на вторичной социологической информации:

– результаты исследований ФНИСЦ РАН под руководством М.К. Горшкова, Института демографических исследований ФНИСЦ РАН под руководством С.В. Рязанцева;

– данные Всероссийского опроса Левада-Центра «Российское поколение Z: установки и ценности»;

– результаты социологического исследования, проведенного Калмыцким научным центром РАН на тему «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг»;

– результаты социологических мониторингов ВЦИОМа.

Информационную базу исследования также составили итоги Комплексного наблюдения условий жизнедеятельности населения, статистические данные, представленные в сборниках, издаваемых Федеральной службой государственной статистики, данные Единой межведомственной статистической системы.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

– предложено авторское определение социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи как многомерного процесса исключения сельской молодежи из современных динамичных социально-

⁴ Возрастные границы молодежи установлены п.1. ст.2 Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 N 489-ФЗ.

экономических и социокультурных процессов по причине ограниченного доступа к ресурсам, обусловленного территориальным пространством проживания и наличием социально-экономических и социокультурных барьеров, затрудняющих социальную интеграцию и адаптацию сельской молодежи.

– выявлены условия формирования социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи с позиции ситуации и состояния, формирующие у нее черты «отверженности», связанные с местожительством, принадлежностью к низкоресурсным группам, дефицитом социокультурных ресурсов для развития индивидуальных способностей и полноценного общения;

– раскрыты исследовательские возможности социокультурного подхода в изучении образа жизни сельской молодежи, обосновано, что социальные изменения в ее образе жизни в условиях социальной эксклюзии связаны с рискогенностью, изменчивостью, ограниченностью и дефицитностью социокультурной среды сельских территорий, либерально-рыночным характером дифференциации и интеграции статусных позиций, а также становлением новых социальных практик.

– показано, что социальная эксклюзия в образе жизни сельской молодежи на теоретико-эмпирическом уровне измеряется объективными и субъективными индикаторами, которые позволяют выявить различия, контрасты и факторы влияния на образ жизни сельской молодежи;

– предложена структурная модель измерения региональной дифференциации социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи, определяемая материальными компонентами, описывающими ситуацию эксклюзии, и нематериальными компонентами, описывающими состояние эксклюзии, позволяющая произвести как суммарный замер эксклюзии, так и замер отдельных ее компонентов;

– доказано, что социальная эксклюзия обуславливает социально-процессуальные и институциональные трансформации в образе жизни сельской молодежи, формирующие гибридные формы индивидуальной жизнедеятельности.

Научная новизна раскрывается в следующих **положениях, выносимых на защиту.**

1. Методологический конструкт исследования социальной эксклюзии сельской молодежи предполагает анализ следующих компонентов: статистических (состояние) и динамических (ситуацию) характеристик, формирующих это явление; дифференциацию эксклюзии по уровням проявления: макро-, мезо- и микроуровни; выявление социальных

факторов, обеспечивающих вовлечение индивида (группы) в эксклюзию; установление социокультурных ресурсов субъекта эксклюзии.

2. Специфика образа жизни сельской молодежи, которая определяется цикличностью аграрного уклада, нестабильностью и малопродуктивностью сельскохозяйственного производства, дисперсностью и малочисленностью расселения, формирует состояние (отсутствие социального капитала семьи и доступа к институтам образования, дефицит социокультурных ресурсов) и ситуации (малообеспеченность в условиях дисперсности и депопуляции расселения, низкоквалифицированный труд) социальной эксклюзии. Они определяют низкоресурсность сельской молодежи, ограниченность выбора профессиональной социализации, узкий спектр форм рекреации и условий для развития творческого потенциала. В условиях глобальной консьюмеризации общественной жизни социальная эксклюзия молодежи обуславливает ее неконкурентоспособность в социально-экономической сфере, невозможность сформировать социокультурный потенциал, свойственный поколению Z.

3. Рассмотрение социальной эксклюзии сельской молодежи в ракурсе социокультурного подхода позволяет выделить механизм интеграции или исключения сельской молодежи, который формируется на основании производности культурных практик от экономических ресурсов и определяет содержательные характеристики образа жизни данной группы. Образ жизни сельской молодежи определяется ее практической невозможностью включиться в социокультурную коммуникацию, где сегодня доминируют рыночные отношения и конвертируемые социальные связи. Вместо них в образе жизни молодых селян содержатся «суррогатные» субкультурные формы общения и самоутверждения. Ограниченность возможностей и узость жизненных стратегий сельской молодежи обуславливаются размыванием культурного пространства в сельской местности, факторами территориальной среды обитания и устоявшимися практиками, как общими для поколения чертами, так и специфическими различиями современной сельской молодежи.

4. Социальная эксклюзия в образе жизни сельской молодежи на теоретико-эмпирическом уровне измеряется объективными (особенности социально-экономического развития конкретного региона, специфика регионального рынка труда, доступность образования) и субъективными (установки (ценностные, миграционные), поведенческие стратегии, досуговые практики, субъективное восприятие окружающей действительности) индикаторами, характеризующие качество и уровень жизни сельской молодежи как интегративные составляющие ее образа

жизни. Совокупные показатели субъективных и объективных индикаторов дают основания утверждать, что качественные различия в установках и поведенческих стратегиях сельской молодежи зависят от способов реализации декларируемых приоритетов и факторов (не только социально-экономических, социокультурных факторов, но и межэтнических факторов), способствующих или препятствующих реализации жизненных планов молодежи села. Контрасты образа жизни сельской молодежи характеризуются переходной формой пространственных различий проявляющейся с одной стороны в трансляции материальных ценностей и навязываемого облика успешного человека, с другой стороны находится в ограниченных условиях (инфраструктурных, досуговых, материальных) вынуждают ее прибегать к адаптивной или патерналистской поведенческой стратегии.

5. Предложенная структурная модель измерения региональной дифференциации социальной эксклюзии сельской молодежи позволила сравнить уровень эксклюзии сельской молодежи в субъектах ЮФО и выявить территории с максимальным уровнем эксклюзированнойности (Республика Калмыкия и Республики Крым). Наибольшее выраженное влияние на образ жизни сельской молодежи Юга России оказывают компоненты материальной (ситуация эксклюзии) и социокультурной (состояние эксклюзии) депривации. Материальная депривация выражается в региональной дифференциации заработной платы в сельском хозяйстве, доступности к рабочим местам, жилищных условиях (возможность приобретения собственного жилья). Социокультурная депривация сельской молодежи имеет двустороннюю выраженность: с одной стороны, молодые сельчане эксклюзированы из сферы досуга и культурного развития вследствие материальной ситуации (отсутствие необходимых финансовых ресурсов для полноценного участия в культурно-досуговой сфере), с другой стороны, из-за отсталости и неразвитости сельских территорий. Значения компонентов социального аутизма (личные ресурсы, отношение к ситуации, субъективное благополучие) зависят от степени выраженности других компонентов социальной эксклюзии (материальной, социальной, социокультурной), соответственно, чем выше уровень выраженности, тем выше уровень социального аутизма и наоборот. Модель так же позволила оценить степень влияния зависимых и независимых факторов риска социальной эксклюзии на образ жизни сельской молодежи: наибольшим фактором риска среди независимых является возраст (различия в возрастных когортах молодежи), зависимых факторов – профессиональный статус, уровень образования.

6. Измерение социальной эксклюзии выявило социально-процессуальные (изменение в сфере социального взаимодействия сельской общности) и институциональные (изменение функционирования институтов в социокультурной среде) изменения социокультурной трансформации образа жизни сельской молодежи, которые обусловлены не только социально-экономическими и социокультурными факторами, но и факторами социально-пространственного развития южных территорий. Условия урбанизированного социального пространства повысили риск социальной эксклюзии и трансформировали образ жизни сельской молодежи, инициировав формирование гибридных форм индивидуальной жизнедеятельности. Данные тенденции могут, с одной стороны, стать локомотивом социокультурной модернизации сельских территорий и выровнять ее социально-демографическую и численную структуру, а с другой стороны, они не создадут равных условий реализации жизненных стратегий молодежи, дезорганизуя устоявшийся уклад жизни, наполняя его несвойственными чертами. Навязываемые стандарты образа жизни и невозможность их реализации в сельских территориях вследствие инфраструктурной отсталости и ограниченности формируют противоречие в сознании молодежи, вынуждая к следованию адаптивных стратегий нивелирования социальных и культурных притязаний. Маргинализация образа жизни определяется не только экономическими, но и социокультурными лишениями, проявляющимися в полугородском (маргинальном) образе жизни. Перспектива преодоления социальной эксклюзии определяется развитием сельского предпринимательства, кооперации образовательных учреждений, государства и бизнес-структур, поддержки органами власти местных инициатив, что позволит молодежи преодолеть дефицит материальных ресурсов и, одновременно, повлияет на возрождение в сельской местности культурных практик, соответствующих современным формам жизни.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется разработкой методологического поля и систематизацией теоретико-методологических подходов изучения социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи.

Предложенная структурная модель измерения региональной дифференциации социальной эксклюзии позволяет изучить связь влияния социальной эксклюзии на образ жизни сельской молодежи, выстроить представление о ее составляющих и возможных комбинациях, а также может послужить основанием для дальнейших социологических замеров социальной эксклюзии в образе жизни.

Достигнутый результат позволяет обосновать комплекс мер по снижению уровня влияния социальной эксклюзии в молодежной среде и послужить основой разработки соответствующих программ поддержки и развития всех уровней.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке следующих лекционных курсов в высшей школе: «Социология», «Социология молодежи», «Социология культуры», «Социология региона».

Апробация работы. Результаты и концептуальные положения диссертационного исследования докладывались и обсуждались на различных региональных и международных научно-практических конференциях, на заседаниях кафедры «Социальные и гуманитарные науки» ЮРГПУ(НПИ).

По теме диссертации было опубликовано 16 научных статей (общий объем – 8,03 п.л.; авторский вклад – 7,13 п.л.), в том числе 7 в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, 1 статьи в издании, индексируемых в международной базе Scopus.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав (включающих шесть параграфов), заключения, в котором формулируются основные выводы, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, характеризуется степень разработанности проблемы, определяются цели и задачи диссертационного исследования, описывается научная новизна и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе работы «Теоретические и методологические аспекты исследования социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи» концептуализируется понятие «социальная эксклюзия», выявляются сущностные характеристики данного процесса в образе жизни сельской молодежи, формулируется теоретико-методологический конструкт исследования.

В первом параграфе «Социальная эксклюзия как предмет социологического анализа» на основании систематизации методологических подходов к изучению социальной эксклюзии, автор отмечает, что к настоящему моменту ни в российской, ни в зарубежной традиции нет четкого и единого определения социальной эксклюзии.

Анализ отечественных подходов к исследованию социальной эксклюзии молодежи позволяет выделить три основных подхода: социоструктурный, ресурсный и стратификационный. В рамках социоструктурного подхода предлагается многоуровневый вариант ее изучения: на макро-, мезо-, и микроуровне. В рамках ресурсного подхода социальная эксклюзия предполагает отсутствие у индивида или социальной группы капитала, который мог бы стать ресурсом для ее преодоления, т.е. социальная эксклюзия молодежи вызвана ограниченностью ресурсного потенциала, который мог бы конвертироваться в капитал. В рамках стратификационного подхода социальная эксклюзия рассматривается с позиций институционального неравенства - закрепления неравных «жизненных шансов» или упрочения иерархии привилегий и лишений относительно доступа к жизненным благам и ценностям.

Далее автор анализирует точки зрения отечественных социологов на процесс социальной эксклюзии и выделяет наиболее значимые ее характеристики: 1) социальная эксклюзия проявляется как процесс исключенности, так и состояние исключенности; 2) результат социальной исключенности выражается в состоянии отверженности индивида или социальной группы от общепринятых стандартов образа жизни в конкретном социуме; 3) отсутствие у индивида или социальной групп ресурсов, которые могли бы конвертироваться в капитал, позволяющему преодолеть социальную эксклюзию; 4) социальная эксклюзия воспроизводится как поведенческая стратегия в следствии депривированности и проявляется в образе жизни, характеризующимся аномичной жизненной позиций.

Далее автор конструирует теоретико-методологический конструкт исследований социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи, которая включает в себя следующие компоненты: условия, в которых формируется социальная эксклюзия, характеризующаяся ситуацией (динамические характеристики) и состоянием (статические характеристики); уровни социальной реальности. Макроуровень характеризуется функционированием социальной системы в рамках реализуемой социальной политики государства; мезоуровень – функционирование социальных институтов и сообществ, повседневными практиками; микроуровень – отсутствие/отсутствие у индивида или социальной группы ресурсов необходимых для социального включения; факторы вовлеченности в социальную эксклюзию, которыми выступают демографические характеристики, социальная позиция, уровень

материальной обеспеченности; ресурсы сельской молодежи, которые зависят от ее культурного и социального капитала.

В исследовании делается вывод о том, что социальная эксклюзия в образе жизни сельской молодежи представляет многомерный процесс, а его структура отображена в разработанном автором теоретико-методологическим и эмпирическом конструкте.

Во втором параграфе «Условия и специфика формирования социальной эксклюзии сельской молодежи: социоструктурный подход» автор выдвинул и доказывал положение о том, что образ жизни сельской молодежи формируется ситуациями социальной эксклюзии и содержит в себе черты «отверженности». Автор отмечает, что в них обращено внимание на то, что рост национального благосостояния и политика государственного соцобеспечения не ликвидируют неравенства возможностей у отдельных индивидов и социальных групп, напротив, оно приумножается в ходе глобализации общественной жизни. У многих людей накапливаются неблагоприятные условия жизни, приводящие их в положение социально неэффективных групп населения.

Общее свойство «отверженности» какого-либо индивида или социальной группы, по мнению автора, (совокупность неблагоприятных жизненных обстоятельств) особенно отчетливо проявилось в современном российской обществе, в условиях усугубляющейся социальной дифференциации, что заставило отечественных социологов конкретизировать и уточнять его изучением условий жизни разных социальных групп и, прежде всего, молодежи. В работе показано, что в отечественной ювенологии проблема социальной эксклюзии исследуется с позиций адаптивного и рискологического подходов. Их авторы, независимо друг от друга, констатируют депривационные «эффекты» российской социальной стратификации, в том числе, превращение молодежи из особой социальной группы в обычную демографическую, подверженную, как и многие другие, социально-экономическим, социально-правовым, социально-политическим рискам. Социальную эксклюзию российской молодежи обуславливают деформация демографической структуры общества, дезинтеграция межпоколенных связей, социально-экономическая неопределенность, стратификационная система образования, утилитарное отношение власти в ней.

Автор считает, что накопление неблагоприятных жизненных обстоятельств и, соответственно, ситуации социальной эксклюзии у сельской молодежи связаны с их местожительством, принадлежностью к

низкоресурсным группам населения, дефицитом социокультурных ресурсов для развития своих способностей и полноценного общения.

Содержание запросов сельской молодежи в большинстве случаев демонстрирует его зависимость от современных информационно-технологических каналов передачи социального опыта и знаний. По мнению автора, главенство телевидения и социальных сетей среди источников трансляции социального опыта указывает еще на один критерий «отверженности» сельской молодежи, а именно: на дефицит у нее социокультурных средств.

В третьем параграфе «Социальная эксклюзия сельской молодежи в контексте социокультурного подхода.» представлены исследовательские возможности социокультурного подхода в изучении образа жизни молодых жителей российского села на основе предположения о том, что дифференциация и интеграция сельской молодежи протекает при наличии у нее определенного социокультурного потенциала, источником которого оказываются отличные от прежних социальные связи и культурные формы.

В работе показано, что обретение «независимости» молодыми жителями российского села обуславливается как диспропорциональной локализацией их стартовых позиций, так и повсеместным распространением рыночных отношений и приоритетов. Свои профессионально-статусные предпочтения сельская молодежь мотивирует достижением материального благополучия и социального комфорта. Между тем на пути ее персональной активности стоят множественные преграды, преодоление которых зависит от наличия разных видов ресурсов. Социологические исследования позволяют заключить, что сельская молодежь современной России относится к низкоресурсным группам населения. Она не обладает властными, экономическими, правовыми средствами жизнеобеспечения, ее же трудовые и культурные ресурсы (образование, профессия, досуг) имеют в основном дефицитный характер. Все более усиливающийся индивидуализированный характер ресурсообеспечения российской молодежи в целом контрастирует с ее образом жизни, со сферой ее предпочтений и возможностей.

Как отмечает автор, стремление сельской молодежи к материально-имущественному и социально-профессиональному статусу свидетельствует о наличии социокультурного потенциала индивидуализированного рыночного свойства. Асимметрия дефицитности социокультурных ресурсов и образа жизни сельской молодежи проявляется в специфических социокультурных трендах (разность «темпов

миров», выражающаяся в том, реакция сельской молодежи на происходящие социально-экономические и политические процессы в обществе и государстве имеет инертный характер, пассивность в общественно-политической жизни, осознанное откладывание вступления во «взрослую жизнь»).

Автор считает, что социокультурная специфика образа жизни сельской молодежи определяется ее практической невозможностью включиться в социокультурную коммуникацию, где сегодня доминируют рыночные отношения и конвертируемые социальные связи. Вместо них в образе жизни молодых селян содержатся «суррогатные» субкультурные формы общения и самоутверждения.

Во второй главе «Социологическая индикация и контрасты образа жизни сельской молодежи Юга России» с помощью системы индикаторов автор предлагает модель измерения социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи, обосновывает трансформацию образа жизни сельской молодежи на основе результатов собственных эмпирических исследований, проведенных на территории ЮФО.

В первом параграфе «Социологические индикаторы социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи» автор обосновывает, что социальная эксклюзия в образе жизни сельской молодежи на теоретико-эмпирическом уровне измеряется объективными и субъективными индикаторами иллюстрирующим контрасты в образе жизни молодежи.

Несмотря на существование концепции «сельско-городского континуума», тенденции размывания пространственных границ, существенные различия в образе жизни все еще отчетливо проявляются. Формирование переходной (комбинированной) форм воспроизводства пространственных различий, определяемая, тем, что с одной стороны сельская молодежь подвержена влиянию современных процессов цифровизации и глобализации стремится к навязываемому облику успешного человека, транслируя материальные ценности, с другой стороны находится в ограниченных условиях (отсутствие соответствующей культурно-образовательной инфраструктуры, ограниченности материальных ресурсов) вынуждает ее прибегать к адаптивной и патерналистской поведенческой стратегии. Ярким примером служит образовательная миграция, которая рассматривается как «социальный парашют» возможности закрепления в городе.

Одной из причин миграционных настроений сельской молодежи выступает ограниченность досуговых стратегий – как важной составляющей части жизни молодого поколения и индикатора культурного

уровня индивида, сельская молодежь уступает горожанам как в доступе к досуговой инфраструктуре, так и в насыщенности проведения свободного времени. В таких условиях избыток свободного времени и скудные возможности его проведения способствуют развитию в молодежной среде депривации.

В ходе исследования было установлено, что среди специфических объективных индикаторов ЮФО выступает межэтнический фактор в связи с тем, что данное региональное пространство привлекательно как для внешних, так и для внутренних мигрантов. Сельские территории ЮФО становятся местом возрастающей этнической напряженности, в связи с возрастающей тенденцией использовать сельские территории в качестве транзита при ассимиляции, что способствует как росту напряженности среди молодежи, так и снижает восприятие качества жизни у молодых людей.

Во втором параграфе «Региональная дифференциация эксклюзии сельской молодежи в субъектах Южного федерального округа» автором предлагается структурная модель измерения социальной эксклюзии⁵, которая строится на расчёте интегральных показателей, путем вычисления средних значений субъективных оценок респондентов и представляет собой суммарное значение выраженности четырех компонентов социальной эксклюзии, что позволит изучить связь ее влияния на образ жизни сельской молодежи и выстроить представление о составляющих социальной эксклюзии и их комбинациях⁶. Комплексный (суммарный) индекс социальной эксклюзии сельской молодежи ($\sum indExcl$) строится на дистрибутивном измерении (материальное/экономическое) и относительном измерении (нематериальное), так же выделяется два измерения эксклюзии: состояние и ситуации (Табл. 1).

Проведенные замеры позволили установить, что наибольшее выраженное влияние на образ жизни сельской молодежи оказывают компоненты материальной (MD) и социокультурной депривации (SKD) (Рис. 1).

Таблица 1

⁵ См.: Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Модель социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп регионов Сибири // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. №. 4. С. 579-586.

⁶ Пространственное измерение, позволяющее сопоставить отдельные регионы по уровню эксклюзированнойности опирается на методологический подход, предложенный исследователями Высшей школы экономики (Danilin, V. S., Isaev, N.I., Kapustin, A. K., Mezentseva, E. B., Smirnov, S. N. Social Exclusion Risk: Ratings of Russian Regions. Moscow: Higher School of Economics Publ. House, 2015. 110 p.).

**Компоненты измерения социальной эксклюзии в образе жизни
сельской молодежи**

Измерение	КОМПОНЕНТ			
Ситуация (Situation)	Материальные компоненты			
	Материальная (экономическая) депривация	Материальная обеспеченность	<i>MD₁</i>	
		Возможность питаться	<i>MD₂</i>	
		Возможность одеваться	<i>MD₃</i>	
		Жилищные условия	<i>MD₄</i>	
		Доступ к высокооплачиваемым рабочим местам	<i>MD₅</i>	
	Социальная депривация	Доступ к институтам образования (среднее, среднее профессиональное, высшее образование)	<i>SD₁</i>	
		Доступ к медицинскому обслуживанию (медицинской помощи)	<i>SD₂</i>	
		Свобода и личная безопасность	<i>SD₃</i>	
		Социальное обеспечение (государственные, гарантии, социальные пособия и выплаты)	<i>SD₄</i>	
		Участие в общественно-политической деятельности	<i>SD₅</i>	
	Состояние (Condition)	Нематериальный компонент		
		Социокультурная депривация	Пользование современными цифровыми и информационно-коммуникационными технологиями (доступ к интернету, пользование социальными сетями, цифровыми услугами)	<i>SKD₁</i>
			Проведение досуга	<i>SKD₂</i>
			Общение с родственниками, друзьями, соседями	<i>SKD₃</i>
Участие в культурной жизни (посещение кинотеатры, культурно-массовые мероприятия)			<i>SKD₄</i>	
Занятие спортом			<i>SKD₅</i>	
Социальный аутизм		Место проживания	<i>SA₁</i>	
		Отношение к жизни в целом	<i>SA₂</i>	
		Положение статус в обществе	<i>SA₃</i>	
		Самореализация	<i>SA₄</i>	
		Уверенность в собственных силах	<i>SA₅</i>	

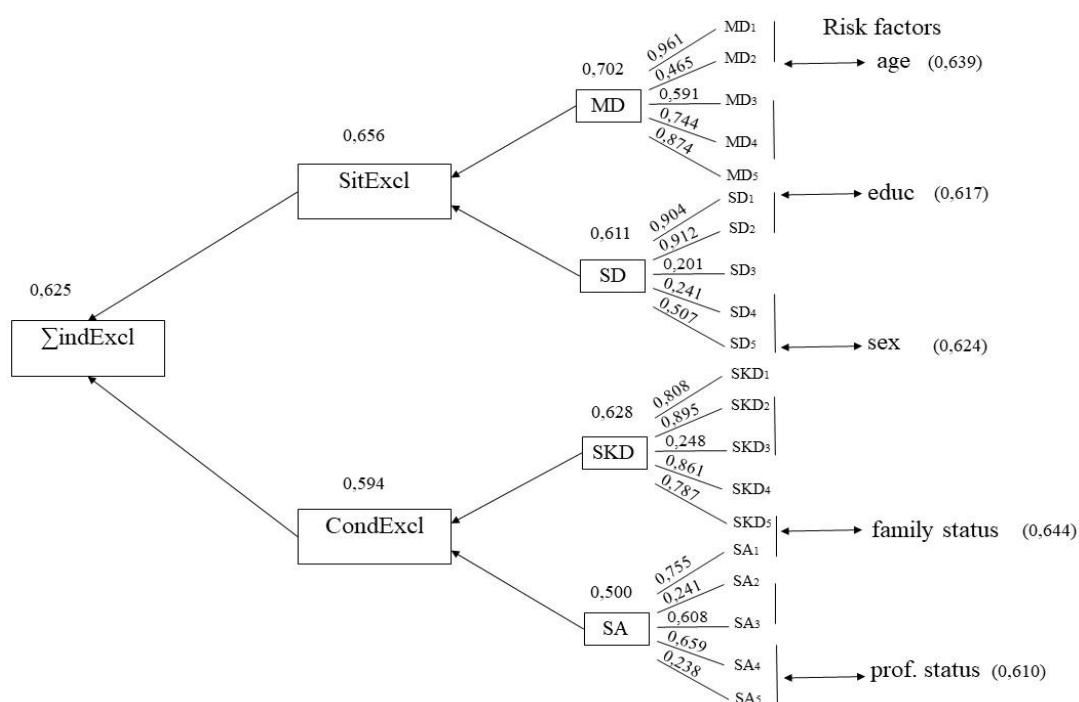


Рис. 1. Структурная модель измерения социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи

Анализ результатов проведенного исследования показал, что наиболее социально-эксклюзированной является сельская молодежь в возрасте 25-29 лет ($\Sigma indExcl = 0,702$), женщины ($\Sigma indExcl = 0,648$), не в браке ($\Sigma indExcl = 0,678$), не работающие ($\Sigma indExcl = 0,687$), с уровнем образования (бакалавриат) ($\Sigma indExcl = 0,635$).

При анализе региональной дифференциации социальной эксклюзии сельской молодежи расчет суммарного показателя ($\Sigma indExcl$) не выявил ярко выраженных значения. По суммарному интегральному индексу наиболее эксклюзированной является молодежь Республики Калмыкия ($\Sigma indExcl = 0,697$) и Республики Крым ($\Sigma indExcl = 0,695$). Наиболее контрастные значения, характеризующие социальную эксклюзию сельской молодежи, были выявлены при измерении каждого компонента эксклюзии: выявлены регионы-аутсайдеры социальной эксклюзии (Республика Крым и Республика Калмыкия), где были зафиксированы максимальные значения индикаторов в составе компонентов выраженности социальной эксклюзии (Республика Калмыкия $MD_1 = 0,968$ и $MD_5 = 0,971$; Республика Крым $MD_1 = 0,916$ и $MD_5 = 0,955$). Определена недостаточная эффективность реализации государственных программ поддержки, обусловленная отсутствием адресной поддержки сельской молодежи, подтвержденная взаимосвязью индикаторов измерения, характеризующих одностороннюю казуальность модели измерения (индикатор MD_4 и SD_4).

Таким образом, модель измерения социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи ЮФО имеет одностороннюю казуальность, т.е.

выраженность одного компонента может привести к большей выраженности социальной эксклюзии в образе жизни, на основании чего в модели были выделены индикаторы-стимуляторы (провоцирующие социальную эксклюзию) и индикаторы-дестимуляторы социальной эксклюзии.

В третьем параграфе *«Перспективы трансформации образа жизни сельской молодежи в условиях социальной эксклюзии»* автор исследует трансформацию образа жизни сельской молодежи и характеризует формирование гибридных форм индивидуальной жизнедеятельности.

Условия урбанизированного социального пространства повысили риск социальной эксклюзии и трансформировали формы индивидуальной жизнедеятельности. Данная тенденция артикулируется с трансформацией социальных институтов (в первую очередь институт образования), которые перестали быть факторами уравнивающим возможности и становится институтом, усиливающим социальное неравенство, что влияет на ценностных ориентация и установка молодежи, осознание устоявшихся различий, прежде всего экономического характера, приводит к формированию прагматических ориентаций лишенных иллюзий.

В работе показано, что сложившийся культурно-исторически «классический» образ жизни сельского жителя претерпевает интенсивный процесс размывания, и стимулирования формирования гибридных форм осуществления индивидуальной жизнедеятельности: агропромышленный слабоурбанизированный образ жизни, образ жизни «между городом и селом» или «полугорожанина», образ жизни «дачника». Предикторами формирования подобных способов жизнедеятельности являются процессы дезурбанизации, сложные территориально-пространственные тенденции перехода от урбанизации к интеграции. Наметившиеся тренды могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на образ жизни молодежи: с одной стороны, они могут стать локомотивом социокультурной модернизации сельских территорий, выровнять социально-демографическую и численную структуру сельской общности, но при этом они подрывают традиции оседлости, этос и самобытность сельских территорий, дезорганизуя сложившийся уклад жизни, наполняя его несвойственными чертами. Однако формируемые вариации образа жизни не создадут равных условий реализации жизненных стратегий сельской молодежи.

Автор полагает, что для преодоления социальной эксклюзии сельской молодежи необходим комплексный характер, учитывающий разные потребности молодого поколения, основанные на компенсаторном

подходе, суть которого заключается в обеспечении равных условий жизнедеятельности путем развития сельских территорий на основе нивелирования экстерналий социальной политики (прежде всего в сфере здравоохранения и образования), а также в реализации адресных государственных программ в виде дифференцированной помощи сельской молодежи.

В **Заключение** диссертации представлены выводы, в которых обобщены результаты изучения проблемы.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Издания, индексируемые в международной базе Scopus

1. Kuzhelev M. Overcoming educational barriers as social exclusion descension in the way of life of rural youth // E3S Web Conf. (XIV International Scientific and Practical Conference «State and Prospects for the Development of Agribusiness»). – 2021. – Vol. 273. – 0,4 п.л.;

Журналы из перечня ВАК Минобрнауки РФ

2. Кужелев М.А. Социальная эксклюзия как индикатор образа жизни сельской молодежи в России // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 7. – С. 308-313. – 0,7 п.л.;

3. Демченко В.И., Кужелев М.А. К проблеме формирования жизненных ориентаций молодежи // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2016. – № 5. – С. 87-92. – 0,7/0,4 п.л.;

4. Чернобровкина Н.И., Кужелев М.А. Теоретические подходы к изучению социальной эксклюзии как индикатора образа жизни сельской молодежи // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2016. – № 2. – С. 125-130. – 0,7/0,4 п.л.;

5. Кужелев М.А. Индикаторы эксклюзии в стратегиях жизни молодежи российского села // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 12. – С. 59-62. – 0,47 п.л.;

6. Кужелев М.А. Индикаторы социальной эксклюзии в образе жизни молодежи российского города и села (на примерах ЮФО, СКФО, КФО) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 4 (70). – № 2S. – С. 54-58. – 0,58 п.л.;

7. Кужелев М.А. О роли социальной инфраструктуры в преодолении социальной эксклюзии сельской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 70-76. – 0,72 п.л.;

8. Кужелев М.А. Модель социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи Южного федерального округа // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 35-43. – 0,75 п.л.;

Прочие публикации

9. Кужелев М.А. Жизненные ценности и профессиональные ориентации студентов // Наука и образование. Известия Южного отделения Российской академии образования и Ростовского государственного педагогического университета. – 2003. - № 4. – С. 163-165. – 0,45 п.л.;

10. Кужелев М.А. Молодежь в социальной структуре общества // Проблемы гуманитарного образования и воспитания : материалы Регион. межвуз. науч.-практ. конф., 25-26 мая 2004 г. – Персиановский: ДонГАУ, 2004. – С. 58-61. – 0,4 п.л.;

11. Кужелев М.А. Социальная дифференциация российского общества: образовательные потенции молодежи // Проблемы соответствия партийной системы интересам гражданского общества современной России : тез. докл. и сообщ. научно-практ. конф., 28-29 мая 2004 г. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2004. – Вып. 1. – С. 297-200. – 0,43 п.л.;

12. Кужелев М.А. Критерии «отверженности» в образе жизни сельской молодежи России // Материалы III Всероссийского социологического конгресса, 21-24 октября 2008 г. – М.: Институт социологии РАН, 2008 [Электронный ресурс]. – URL : https://www.isras.ru/abstract_bank/1210260241.pdf. – 0,4 п.л.;

13. Кужелев М.А., Чернобровкина Н.И. Социокультурная спецификация образа жизни сельской молодежи России в начале XXI века // Юбилейная конференция студентов и молодых ученых, посвященная 85-летию ДГТУ: сб. докл. науч.-техн. конф., 12-13 мая 2015 г. – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2015. – С. 3213-3220. – 0,4/0,3 п.л.;

14. Кужелев М.А. Влияние социокультурного пространства на формирование поведенческих стратегий сельской молодежи. // Актуальные проблемы моделирования, проектирования и прогнозирования социальных и политических процессов в мультикультурном пространстве современного общества: материалы V междунар. науч. конф. молод. учен., асп., студ., магистран., 4-8 апр. 2016 г. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. – С. 218-222. – 0,4 п.л.

15. Кужелев М.А. Социальная эксклюзия как фактор, затрудняющий социально-экономическую идентичность сельской молодежи // Глобальное Европейское пространство: проблемы интеграции сквозь призму межкультурной коммуникации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19-20 мая 2017 г.. – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2017. – С. 151-156. – 0,35 п.л.;

16. Кужелев М.А. Понятие социальной эксклюзии и образа жизни молодежи в социологическом знании // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 3. – С. 234-238. – 0,58 п.л.

